

К Р О К О Д И Л

№ 35 МОСКВА 10 НОЯБРЯ 1945

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIV

ЦЕНА НОМЕРА — 1 РУБ. 20 КОП.

ТЮРЕМНОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ

(К НЮРНБЕРГСКОМУ ПРОЦЕССУ)

— Стояли за фашизм? Стояли! Сидим за фашизм? Сидим! Теперь осталось только повисеть за фашизм.

Рис. Ю. Ганфа

Рис. Г. Валька

Гнат Колесник (Закарпатская Украина) и Анна Соколова (Южный Сахалин).

НЮРНБЕРГ. Среди подсудимых по нюрнбергскому процессу проявляется нездоровая инициатива (симуляция, кликушество и т. д.). Здоровую инициативу проявил лишь один Роберт Лей, который в порядке самостоятельности повесился.

ЛОНДОН. Сюда доставлены из Германии комплекты фашистской газеты «Дас шварце кор», которые активно разрабатываются газетами «Дейли телеграф энд Морнинг пост», «Дейли мейл» и «Манчестер гардиан». Часть этого материала уже опубликована в лживых статьях против Красной Армии.

ОСЛО. Бывший писатель квислинговец Кнут Гамсун после расстрела Квислинга заявил корреспондентам газет: «Я не сумасшедший, чтобы идти по стопам Квислинга». Сказав это, он объявил себя сумасшедшим.

ФРАКФУРТ на МАЙНЕ. Излишне добрый католик кардинал Фаульгабер недавно обратился к генералу Эйзенхауэру с письмом, в котором просил освободить из-под ареста Нейрата, мотивируя свою просьбу тем, что последний является «добрым католиком». После этого среди военных преступников началась массовая тяга в доброе католичество, так как подсудимым кардинальские меры воздействия нравятся значительно больше кардинальных мер.

ПОГОДА НА ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ

Метеорологические станции сообщают погоду на вчерашний день: Лондон — традиционные туманы; Афины — мороз по коже; София, Белград — ясно; Париж, район Блюма, — куда ветер дует; Тегеран — осадки и посадки; Анкара — сплошная грязь в окрестностях Ялчина.

Семён Кравцов (Москва) и Лидия Гурова (Сталинград).

Кондитерская братьев Дымба

У ВЕКОВЕЧЕННЫЙ Чеховым «иностранец греческого звания по кондитерской части» Харламий Спиридонович Дымба был не лишён познаний в политической географии.

— Которая, — говаривал он, — Россия и которая Греция...

Харламий Спиридонович, как известно, был стопроцентным патриотом страны, «которая Греция». В слепом патриотизме своём он даже перехлёстывал иногда за «все сто». Послушать его, — так чего только нет в этой самой, которая!..

- А тигры у вас в Греции есть?
- Есть.
- А львы?
- И львы есть.

Это в России ничего нету, а в Греции всё есть. Там у меня и отец, и дядя, и братья...

Возвратившись в лоно родной семьи и переквалифицировавшись с кондитерской специальности на политическую, Дымба окончательно утвердился как в своей неограниченной вере в страну Перикла — Мильтиада (Вулгариса — Дамаскиноса то ж), так и в своём, неограниченном скептицизме по отношению к России.

Он даже, так сказать, расширил его, распространив на все славянские страны.

— Это в Болгарии и Югославии ничего демократического нет, — авторитетно разъясняет он иностранным корреспондентам ход избирательной кампании в Греции, — а в Греции всё есть... Всё, что требуется для свободных выборов.

— А избиратели в Греции есть?

— Е... есть, — неуверенно отвечает Дымба, подсчитывая в уме, сколько избирателей стоит за монархических кандидатов и сколько сидит за нерасположение к ним.

— А наблюдатели?

— Есть! — отвечает Дымба, на этот раз с полной уверенностью. — В Греции всё есть!..

В России Дымбе, помнится, не очень верили. — Гм... — многозначительно произнёс папаша Жигалов в ответ на утверждения греческого кондитера о том, что на его родине есть всё — от кашалотов до коллежских регистраторов.

А когда восторженная акушёрка Змеюкина воскликнула: «Воображаю, какая в Греции атмосфера!», — тот же папаша Жигалов мрачно заметил:

— И, должно быть, жульничества много. Старик Жигалов более трезво, чем некоторые иностранные наблюдатели, определил атмосферу, в которой проходит избирательная кампания в Греции. Жульничества в ней действительно — хоть отбавляй!

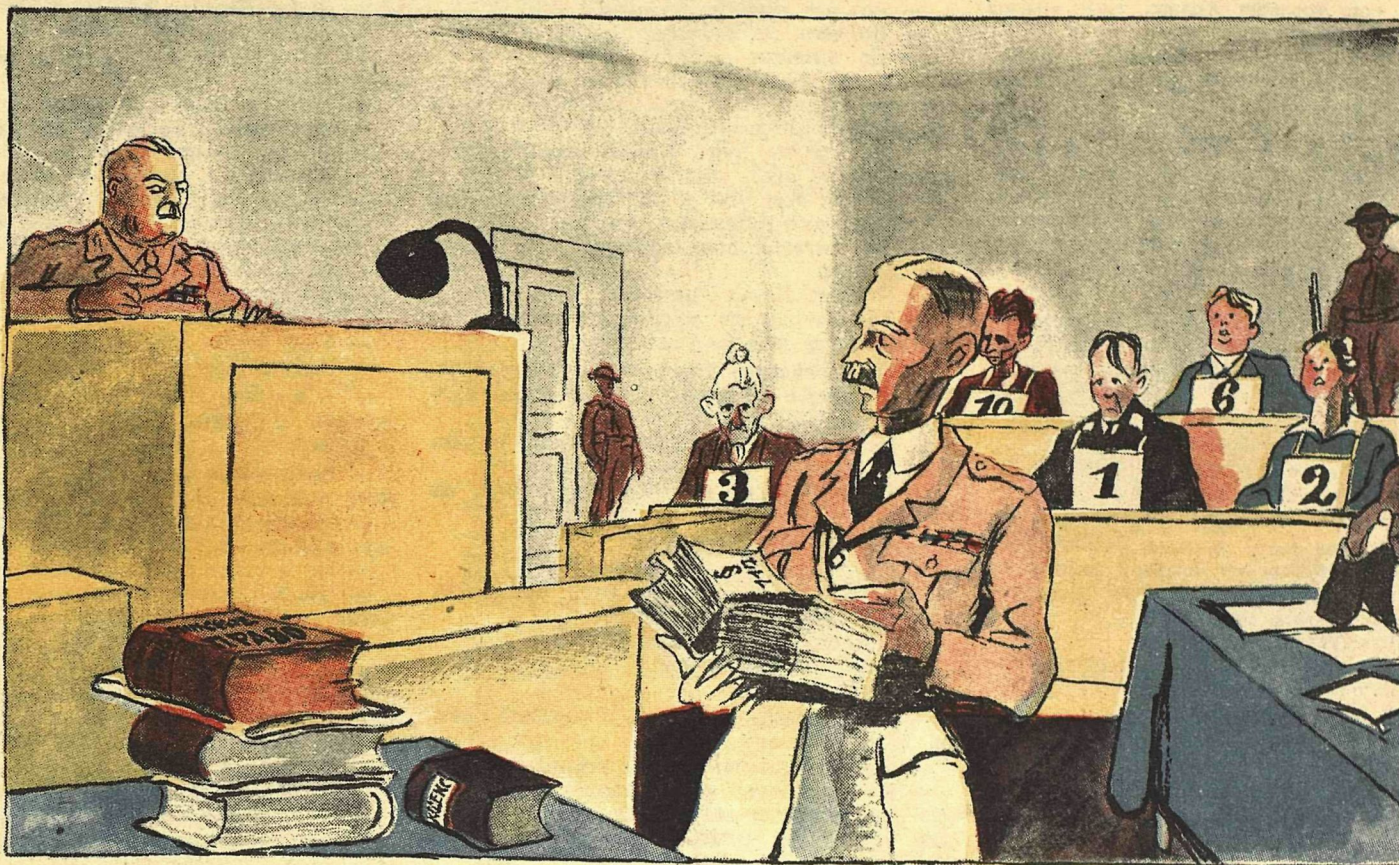
Случай избирательного жульничества наблюдались, впрочем, и в некоторых западных странах, которые — не Греция. Орудующие по всему свету братья кондитера Дымбы повсеместно идут на выборы под старым кондитерско-политическим лозунгом:

— В Греции всё есть — в России ничего нету.

Плохо, однако, идут дела кондитерской братьев Дымба! Приелась западному избирателю их давно зачерствевшая продукция, наскучил скудный ассортимент.

С усмешкой глядит советский избиратель на пред- и послевыборную кондитерско-политическую суету Харлампия и прочих Дымб. Спокойно и деловито готовится он к предстоящим выборам — избиратель страны, «которая — Россия», которая Украина, Белоруссия... которая — Советский Союз!

Эмиль КРОТКИЙ

— Господа судьи! Ну, что могут помнить свидетели обвинения, если они сами признают, что их били до потери сознания!

Четыре времени года

С ЖЕЛТУХИНЫМ я встречаюсь не больше четырёх — пяти раз в году.

И каждая наша встреча носит странный характер.

Весна. Звонко стучит капель. Всё радуется и сияет. Даже суровые московские дворничихи ангельски улыбаются прохожим.

Мне легко и хорошо. Я иду по улице и меня волнуют смутные, неясные желания.

Хочется получить большой аванс, влюбиться, стать двадцатилетним тенором, найти под водосточной трубой готовую безымянную трёхактную комедию, уже разрешённую реперткомом и принятую театром к постановке.

И вдруг из-за угла выходит Желтухин — в больших грязных калошах, с помятым лицом, унылым, как казённая промокашка.

При виде Желтухина я испытываю неприятное сосание под ложечкой. Настроение у меня портится.. Нет, я не получу большой аванс, не стану двадцатилетним тенором, не найду под водосточной трубой комедию. Я хочу избежать встречи, но уже поздно! Желтухин останавливает меня, и начинается нудный, как мушиное жужжание, разговор:

— Что с вами, Желтухин? У вас такое лицо, как будто вы возвращаетесь с собственных похорон!..

— А, всё плохо!..
— Почему «всё плохо»?.. Посмотрите, какая дивная весна кругом!

— Из-за этой дивной весны у меня все неприятности.

— Из-за весны?

— Ну да! Весна пришла неожиданно, и меня сняли с работы за плохую подготовку к севу в нашем совхозе!

— Почему же весна «пришла неожиданно»?

Она, как говорится, уложилась в календарные сроки!

— Весна уложилась, а мы у себя в совхозе не уложились. Да, всё плохо, всё!..

Он жмёт мне руку своей вялой потной ладонью и уходит, шаркая калошами, — жёлтый, унылый и скучный, как дырявый зонтик.

Наступает лето. Зной льётся с синего неба. Солнечная теплота проникает, кажется, в самые кости. Я иду по улице, и жизнь снова кажется мне прекрасной. Для полноты ощущения счастья не хватает только стакана холодной, вкусной газированной воды.

Я оглядываюсь в поисках тележки с сиропами и вижу.. Желтухина, в несвежей рубашке-апах и в белых измятых штанах. Вид у него несчастный.

— Что опять с вами, Желтухин?

— А, всё плохо!..

— Почему «всё плохо»? Посмотрите, какое великолепное лето!.. Солнышко-то как жарит!..

— Из-за этого солнышка у меня все неприятности!

— Из-за солнышка?

— Ну, да!.. После совхоза меня бросили на газированную воду... Ну, и вот... Среди лета вдруг ни с того ни с сего навалилась сильная летняя жара, а мы не успели заготовить газу...
— Сняли?

— Сняли! Эта проклятая стихия меня просто убивает своей неорганизованностью!

Вот и осень. Моросит дождь, под ногами хлюпает слякоть. Снова встреча с Желтухиным.

— Ну, как дела, Желтухин?..

— Плохо, конечно!

— Сняли?

— Сняли!

— За что?

— Меня после воды на овощи кинули. Ну, а я их... того... не успел вывезти...!

— Неорганизованная стихия подвела?

— Она! Сначала, знаете, было очень сухо, ну мы и возили понемножку. А потом глубокой осенью вдруг ударила осенняя распутица и дороги ужасно развезло. Всё плохо, всё!..

...Трещат морозы, падает снег. Зима пришла!

Желтухин в шубе с воротником из натуральной кошки стоит на трамвайной остановке. Лицо у него хранит то же трагическое, противное выражение. Избегая лишних фраз, я спрашиваю Желтухина в упор:

— За что?

— За топливо! — отвечает Желтухин, опуская голову.

— Не успели заготовить?

— Не успел. Меня зима застала врасплох. Ох, стихия, стихия!..

Подходит трамвай. Желтухин вскакивает на подножку и уезжает. Неужели я снова встречу его опять и услышу его мушиное грустное жужжание?

Л. ПОПОВ.

Птички

— Так вот, товарищ Козлов, семь птичек у меня уже есть.

— Это очень хорошо, Дарья Минаевна. Только, простите, невдомёк мне: о каких таких птичках толкуете?

— О шетухах и трясогузках... Об индюках и канарейках... Какой ты, право, непонятливый! Что у нас тут: птицеферма, что ли? Главное дело, понимаешь,— это отчёт. Вот передо мной лежит полугодовой план агитмассовой работы в районе. Если что выполнено на все сто, то я сбoku у того пункта ставлю птичку. Понял?

— Понял, Дарья Минаевна. Чудесное мероприятие! Птички стоят на бумаге и будто чирикают о достижениях на данном отрезке.

— Ты это что, Козлов, смеёшься? Опять шутки?

— Нет, я вполне серьёзно.

— То-то. Тут не до шуток. Дело серьёзное. У меня что сейчас на носу?

— Муха, Дарья Минаевна.

— Ты опять за своё... У меня, Козлов, сейчас на носу отчёт о проделанной работе за истекшее полугодие. Мы должны охватить птичками все пункты плана.

— Охватим, Дарья Минаевна.

— Громкая читка газет в промысловых артелях. Как у нас по этой линии?

— Не на уровне, Дарья Минаевна.

— Вот те и на! Что же говоришь: «охватим»?

— Птичками охватим. Читкой труднее.

— Надо засучить рукава и...

— Рукава не помогут. Газеты нужны.

— Вот всё руки не доходят.

— До чего, до рукавов?

— До выписки газет.

— Опять же, Дарья Минаевна, надо это не тяп-ляп. Читки надо правильно организовать. Вон в Васильевском районе...

— Ты мне не дури, Васильевский район— для меня не указ, сами с усами.

— И при том усы у вас фиолетовые. Это от чернильного карандаша, что ли?

— Ну, оставим пока громкую читку. Пойдём дальше.

— Пойдём, Дарья Минаевна.

— Три беседы по текущему моменту на маргаритовом заводе. Выполнено?

— На последнюю беседу явилось всего четыре человека. Никто не знал, где она происходит.

— Не моё дело— четыре или сорок четыре. Ставлю птичку.

— Птичка божья не знает ни заботы, ни труда...

— Что ты там бормочешь?

— Ничего особенного. Стихи.

— Сейчас не до стихов. Стихи оставь на выходной день. Пойдём дальше.

— Пойдём, Дарья Минаевна.

— Итак, что мы имеем?

— Восемь птичек.

— Я не о том... Мы имеем в швейной артели литкружок.

— Птичка улетела: кружок распался.

— Кто разрешил распаться?

— Руководителя вы откуда забрали— кружок и перестал существовать.

— Но кружок был?

— Был, да сплыл.

— Но всё-таки был? Ставлю птичку. Пойдём дальше.

— Пойдём, Дарья Минаевна.

— Проверка радиоточек. Все работают?

— Все до единой.

— Хорошо!

— Но не у нас. А в Васильевском районе.

— Что ты мне на нервы действуешь Васильевским районом? Толком говори: сколько у нас точек работает и сколько не работает?

— Десять.

— Что десять?

— Уже десять птичек.

— Значит, все точки работают?

— А в плане у вас и не написано, что они должны работать. Сказано: проверить. Мы и проверили.

— Совершенно верно, Козлов. Ты начинаешь меня понимать. Но вернёмся к громкой читке.

— Вернёмся, Дарья Минаевна.

— Как же быть? Ты стоишь на том, что...

— Не я стою, работа стоит.

— Что же, по-твоему, выходит, что громкая читка остаётся без птички?

— Видимо, так, Дарья Минаевна. Хотя, по совести говоря, можно поставить птичку. Она будет похожа на других ваших вольных птичек.

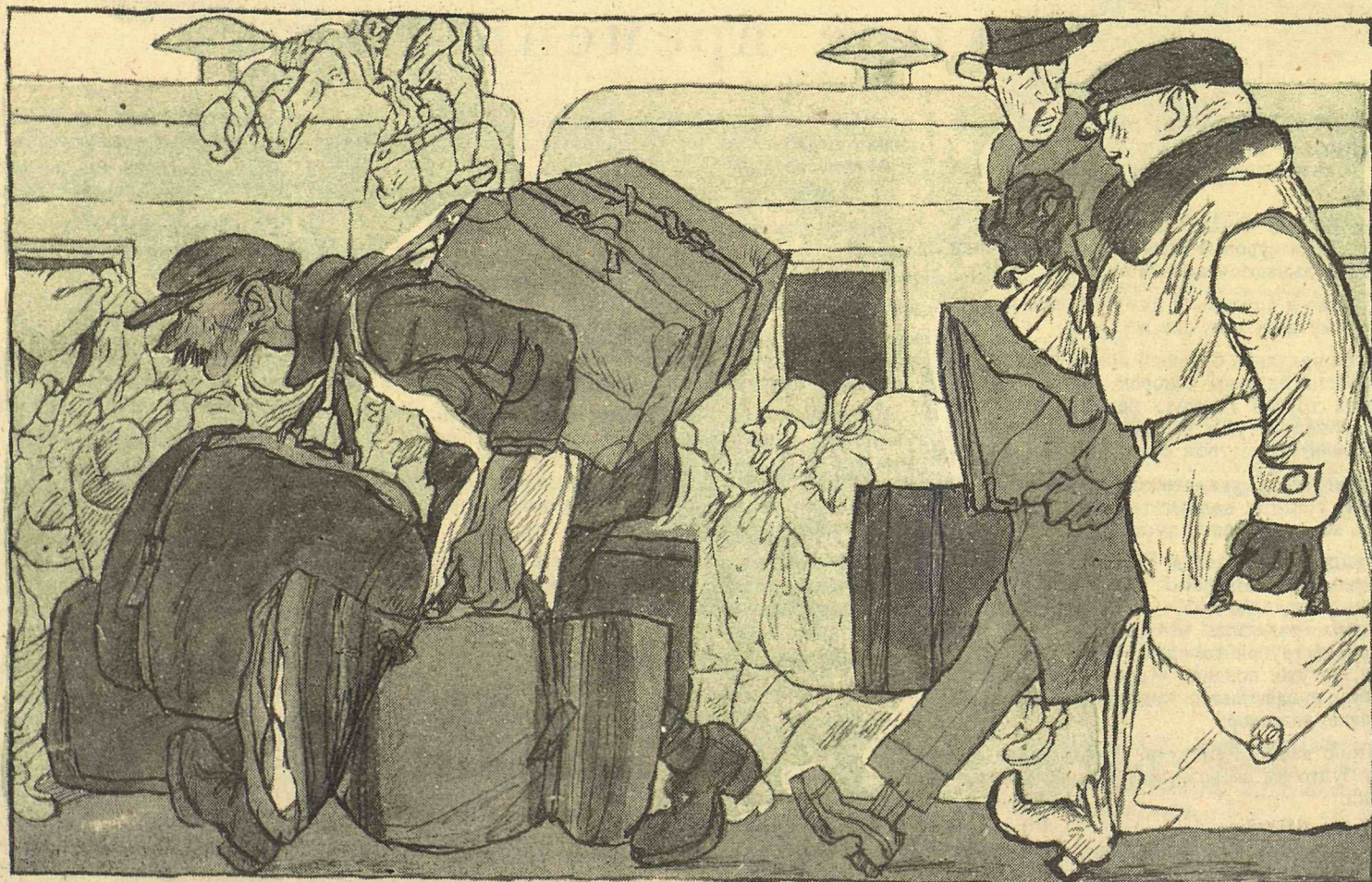
— Ты меня опять перестал понимать, Козлов. Ну пойдём дальше.

— Дальше идти некуда, Дарья Минаевна.

• Г. РЫКЛИН

СЛУЧАЙ НА ТРАНСПОРТЕ

Рис. М. Черемных

— Где вы достали билет в Сочи?

— В ресторане. Три дня подряд водил туда кассиршу.

Несгораемая шапка

(ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА)

Где-то на фабрике полутекстильной (Скажем точнее: утильно-фитильной) Между рабочим пошёл разговор, Будто завскладом — хапуга и вор. Часть говорит: «Подадим заявленье!» Часть выражает законно сомненье И убеждает других, говоря: «Вдруг да обидим невинного зря!» Думают: как бы до правды добраться? Кто-то и брянки:

— Послушайте, братцы! Слышал наднях я от добрых людей — В нашем районе живёт чародей. Всё он предскажет вам: смену погоды, Выйгрыш по займу, счастливые роды, Нужно ль бояться измены жены, Примут ли в перелицовку штаны. Ну, да чего вам, товарищи, лучше — В складчину пять огольцов фабзавуча Загодя вызнали у старика: «Кубок футбольный возьмёт ЦДКА!»

Адрес у жинки, совсем это близко, Литр да полсотни — всего только риска, Вдруг да он даст нам правдивый ответ: Вор наш Никифор Фомич или нет!

Так и решили. Приходят и видят: Щуплый старик. Его муха обидит. Голос — тонюсенький, как у детей, Ну, а в глазах — двести сорок чертей! Выслушал старец и действовать взялся, Но от даров наотрез отказался. — Это ещё почему?

— Потому! С организации — в жисть не возьму! Это мне честь, выражаясь по-русски! Ввиде общественной, значит, нагрузки Я вам такое загну колдовство, Что бесприменно поймаем его. С фабрики вашей добудьте хоть тряпку,

Я положу матерьял этот в шапку И нашепчу таковой заговор, Что обнаружится тотчас же вор. Только наденет он шапку — и вскоре Ваш матерьял загорится на воре. Если же совесть у зава чиста, — Шапка не вспыхнет. Идёт? — Красота!

Уж непременно проверим, для смеха! Вот матерьял раздобыли из цеха И (нашептав, неизвестно чего) В шапку старик зашивает его.

Вот в восхищении зав от подарка, Только ни холодно заву, ни жарко: Шапка нисколько на нём не горит. «Зря наклепали!» — народ говорит.

Но подспела ревизия скоро, Зава признала за лютого вора, Рассвирепели ребята, и вот Группа опять к чародею идёт: Так, мол, и так, господин Предсказатель! Жулик и жуликов ты покрыватель! Зав-то наш — вор! А изволь-ка, взгляни, Шапка твоя не горела ни-ни! Кроют смущённого старца всё жарче, И вопрошает взволнованный старче, Чтобы сомненья свои разрешить: — Что же вы дали мне в шапку зашить? Ведь, по волшебному правилу, в шапку Я зашивал в темноте эту тряпку. Был-то утиль?

— Никакой не утиль! Нашего же производства фитиль! Старец как прыснет: — Да вы обалдели! Ишь чего, видите ли, захотели!!! Братцы! Да весь СССР говорит: Этот фитиль ничоём не горит! Я обладаю волшебною силой! Сделаю рожу любую красивой, Рядом со мною минутку постой — Тотчас подходит троллейбус пустой, Тигры дрожат предо мной в зоопарке. Но, чтоб зажёгся фитиль вашей марки, — Тут никакое уже волшебство Сделать не в силах, увы, ничего!

И, испуская рыдания звуки, К небу простёр он костлявые руки, Как бы защиты ища у небес, — И — на глазах — из района исчез!

Смысл этой сказки понятен отлично: Важное дело — честь марки фабричной! Это, друзья, далеко не пустяк. Так что, давайте, условимся так: Что бы продукция без исключения Вся выполняла своё назначение. Если гудок, — чтобы, значит, гудел, Если фитиль, — чтобы, значит, горел, Ежели радио, — чтоб говорило, Если лопата, — чтоб землю бы рыла, Если стихи, — чтоб приятно прочесть... В общем — давайте, поддержимте честь! Николай АДУЕВ

ГОЛОСОК ПОТРЕБИТЕЛЯ

Рис. И. Семёнова

— Смотри, мама, какой безобразный! Совсем как игрушечный.

ОДНАЖДЫ...

ЕЙ ПОВЕЗЛО

Однажды персидскому царю Киру донесли, что какая-то торговка на базаре дурно о нём отзывалась...

— Пусть она поблагодарит бога, что у неё солдат нет, — сказал персидский царь, — не то бы я объявил этой дуре войну!

МЕРА БЕДНОСТИ.

Однажды писатель Потапенко и писатель Боборыкин вспоминали свои студенческие годы.

— Я был очень беден, — сказал Боборыкин, — и занимал такую маленькую комнату, что ходить по ней было невозможно!..

— Моя комната была ещё меньше вашей, — сказал Потапенко, — под моим бедным кровом не только что человек, даже часы не могли ходить, и мне пришлось заложить их в ломбард.

СТРОКА, ЗАЧЕРКНУВШАЯ КНИГУ

Однажды в Париже вышла в свет книга под названием «Новый способ продлить свою жизнь».

«Безжалостная смерть унесла автора в расцвете его лет», — скорбно сообщил читателям издатель в своём вступлении к этой книге.

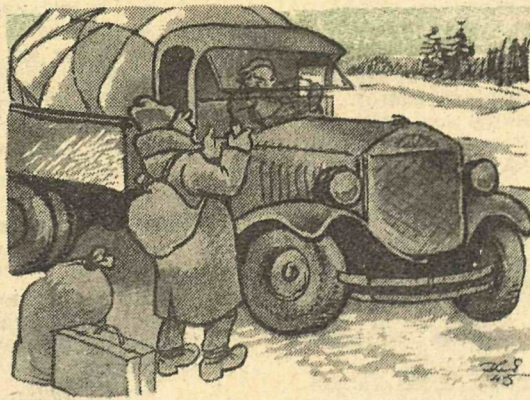
КУРЬЕЗЫ АНАТОМИИ

Однажды Пётр Великий, смеясь над придворными гастрономами и любителями всяческих пиршеств и обильной пищи, сказал:

— Какую пользу может принести отечеству тело, если оно состоит из одного брюха!

ИЗ БЫТА КУРИЛЬЩИКОВ

Рис. К. Елисеева

— Налейте бензинчику в зажигалку.

Два Петрова

В МОСКВЕ живут очень много Поповых, тьма Ивановых, куча Смирновых и немало Петровых. А в этом доме жили два Петрова. Один жил на четвёртом этаже, и это был знаменитый голкипер Петров-второй, а другой — на третьем, и это был Володька Петров, 13 лет, известный — в пределах данного двора — болельщик.

Володька был влюблён в Петрова-второго страстно, пламенно и бескорыстно. Возможно, что силу этого чувства увеличивала общность фамилий. Когда на стадионе Петров-второй брал, взлетая на воздух, трудный мяч «под штангу» и стотысячная толпа зрителей редела: «Петров!.. Bravo, Петров!», — Володька чувствовал, как от восторга мурашки бегают у него по спине.

Володькина страсть была безответна: знаменитый голкипер просто не замечал его.

В доме жило много мальчишек; это был шумный, назойливый и беспокойный народ. Все они были футбольными болельщиками, все хорошо знали Петрова-второго и докучали ему неуместными проявлениями своих восторгов. Не очень-то приятно шагать по двору и слышать, как за твоей спиной громко говорят:

— Ребята, глядите: Петров идёт!..

— Где?..

— Да вон, пробирается, как кот!..

— Что это он жёлтый такой сегодня?..

Голкипер морщился и ускорял шаг. Трудно нести бремя славы, тяжела не только шапка Мономаха, но и буца голкипера.

...Однажды случился так, что Петров-второй, поднимаясь к себе на четвёртый этаж, столкнулся с Володькой на площадке третьего носом к носу. Две пары глаз встретились: синие, обожающие володькины глаза и зорко безучастные холодноголубые очи знаменитого голкипера.

И вдруг Петров-второй спросил:

— Ты здесь живёшь, мальчик?..

— Здесь! — сказал Володька, глотая слюну восторга.

— Я забыл купить папирос. Ты можешь сбежать за «Казбеком»?

Володька, готовый умереть по первому знаку этого угрюмого бело-брысого юноши в серой кепке и клетчатом пальто, еле слышно пролепетал:

— Могу!

— Вот тебе деньги. Сдачу можешь взять себе!

Зажав деньги в кулаке, Володька не сбежал, а будто по воздуху слетел с лестницы: его несли невидимые крылья.

Во дворе он встретил Юрку Полынкина, тоже известного дворового болельщика, организатора футбольных матчей международного масштаба.

— Ты куда? — спросил Юрка Полынкин, схватив Володьку за полу пальтишка.

— За «Казбеком» для Петрова-второго! — задыхаясь, сказал Володька.

— Ври!

— Поди спроси у него! — с гордой усмешкой сказал Володька. — Он сам взял и вдруг и попросил меня!..

— Пойдём вместе!

— Нет уж, пожалуйста, не примазывайся! — ревниво заявил Володька. — Ведь он меня просил, а не тебя. Правда?..

...Через десять минут Володька уже звонил у дверей Петрова-второго. Дверь открыл сам голкипер. Володька молча подал ему коробку папирос и смятую десятку.

— Спасибо, — сказал голкипер, — деньги оставь себе.

— Не надо, — просипел Володька, — не возьму..

— Ну, дело хозяйское!

Дверь захлопнулась. Володька вздохнул и стал тихо спускаться к себе на третий этаж. В душе его пели райские птицы: «Не надо!.. Не надо!..»

На следующий день всё мужское население двора, в возрасте от восьми до четырнадцати лет, знало, какой чести удостоился Володька. Володьке завидовали, на Володьку глядели снизу вверх, Володьку расспрашивали про подробности свидания. Сначала Володька загадочно ухмылялся и стмалчивался, а потом сказал:

— Как попросил?.. Так и попросил. Я потом у него часа два сидел. Он мне про матчи рассказывал.. Вообще.. делился впечатлениями.

— Врёшь! — сказал подозрительный Юрка Полынкин.

— А ты лоди к нему и проверь. Что, съел?

— Не стэнет он с тобой делиться!

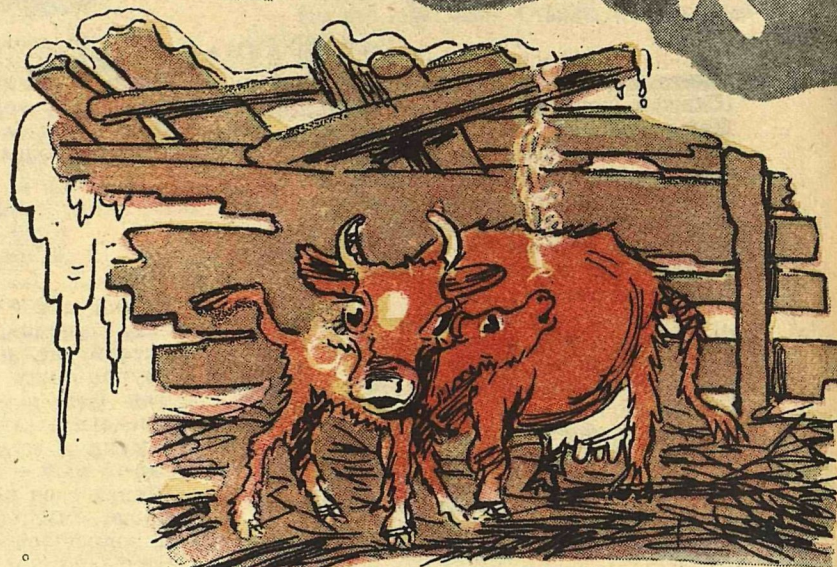
— Ещё как станет! Я завтра опять к нему иду. Он сказал, что ещё хочет поделиться со мной впечатлениями. У него ведь их много!..

Так потом и пошло, что Володька стал рассказывать мальчишкам про свои воображаемые свидания со знаменитым голкипером. Выходило из этих рассказов, что Петров-второй очень полюбил Володьку и обещал в будущем зачислить его в свою команду. И ещё выходило, что Петров-второй — необыкновенных качеств человек, храбрый, как лев, и добрый, как горлица. Мальчишки Володьке верили. А в жизни, когда Володька встречал Петрова-второго на лестнице, он лишь робко говорил ему «здравствуйте», на что знаменитый голкипер едва заметно кивал головой.

Как-то неутомимый Юрка Полынкин затеял устроить грандиозный матч с мальчишками соседнего дома.

— Объявление вывесим, — говорил изобретательный Юрка Полынкин, — чтобы народу больше пришло!.. Гонг сделаем вон из той железки. Как гол им забьём, так сейчас в гонг будем ударять.

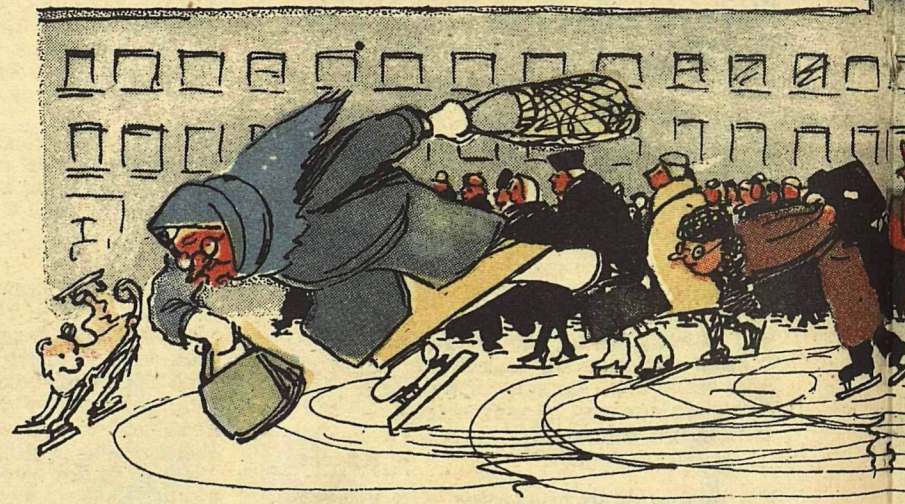
КАК

— А нашему председателю колхоза хоть бы что! Он здоров, как бык. Холода не боится.

— Уголь завезли, дрова подвезли, а с управдомом не повезло.

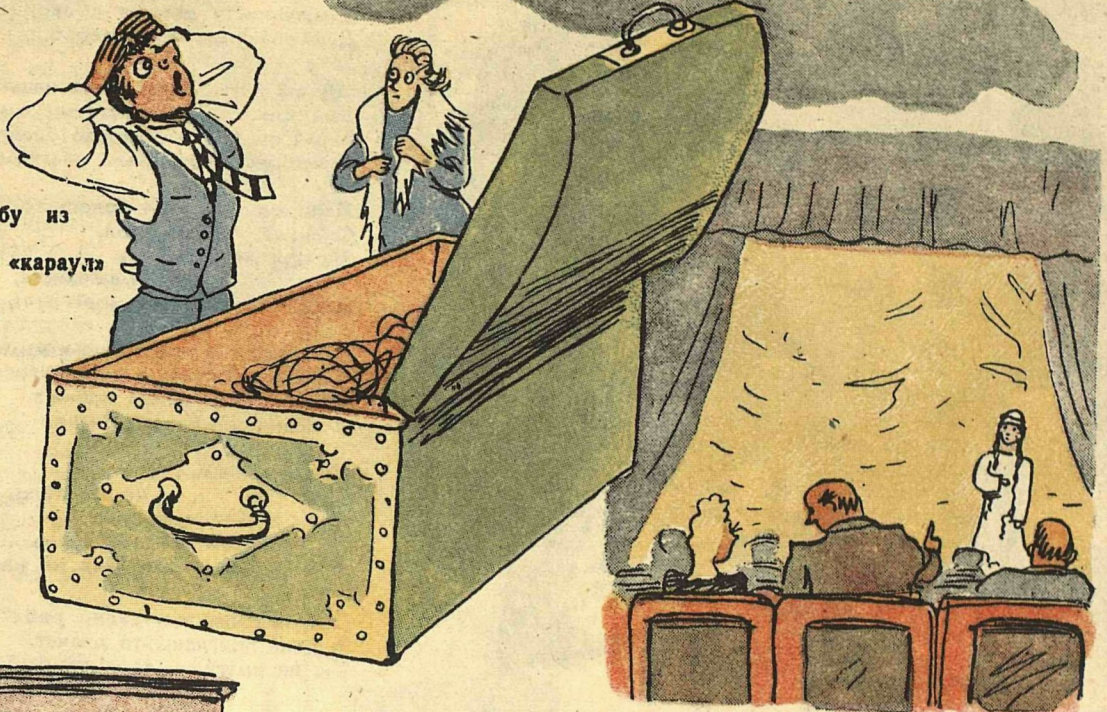
— А кто будет судьёй? — спросил Володька.
— Судьёй? — Юрка Полынкин на мгновение задумался. — Судьёй будет... Петров-второй!
— Не пойдёт он!
— Ты его попросишь. Если он тебе действительно друг, он не откажется...
— Он мне, конечно, друг... но не пойдёт он..
— Просто он тебе никакой не друг! Ты всё это выдумал!
— Дурак ты, Юрка!.. Только вчера он опять делился со мной впечатлениями!
— Вон он как раз идёт! Иди сейчас и попроси его!
— И пойду!
— Ну, иди. Что же ты стоишь?
— Я... потом к нему пойду. Он будет вечером делиться со мной впечатлениями, и я... попрошу его..
— Нет, сейчас иди! А то я сам его попрошу. Товарищ Пе...
— Молчи! — вскрикнул Володька, зажимая Юрке рот рукой. — Я сам!..
Мальчишки подбежали к Петрову-второму, и Володька довольно храбро сказал своё обычное:
— Здравствуйте!
Знаменитый голкипер поморщился и кисло ответил:
— Ну, здравствуй. Что тебе?
Запинаясь и путаясь, Володька кое-как изложил Петрову-второму свою и юркину просьбу.

СНЕГ НА ГОЛОВУ

Сорок градусов в тени.

— Караул! Шубу из нафталина вынули!
— Так что ж ты «караул» кричишь?
— Воры вынули.

— Жила бы в нашем доме Снегурочка, ни за что не растаяла бы.

НА СКОЛЬЗКУЮ ТЕМУ

Не надо скалывать лёд! Не надо посыпать улицу песком! Проведение в жизнь нашего скромного проекта обеспечивает спортивную закалку пешеходов и безмятежное существование отделов благоустройства.

Но Петров-второй был явно не в духе. Он ещё больше сморщился, словно от зубной боли, процедил: «Всю жизнь мечтал посудить матч между огольцами» — и пошёл своей дорогой.

Юрка Польшкин посмотрел на Володьку убийственным взглядом. Володька бросился следом за голкипером и, догнав его, сказал нарочно громко, чтобы Юрка слышал:

— Я вас прошу... как друга!.. Пожалуйста!.. Знаменитый голкипер обернулся и раздельно произнёс:

— Пошёл вон!
Володька попятился, оступился и грузно сел на землю. Юрка захохотал демоническим смехом, а через минуту мальчики уже дрались, фыркая и шипя, как дикие коты. Над Володькой смеялись на дворе целую неделю.

Шёл матч — ответственный матч сезона. Две команды оспаривали первенство. Володька стоял на трибуне, не сводя глаз с Петрова-второго. Знаменитый голкипер был сегодня не в форме — он мазал.

— Петров-второй — мазил! — басил полный мужчина в шляпе, стоявший рядом с Володькой.

— Петров-второй, подтянись! — звонко закричал Володька.

И в эту секунду мяч, мелькнув, как чёрная молния, туго ударился в сетку: Петров-второй пропустил первый гол.

Толпа заревела, зашумела, засвистела. Игра началась снова, и через пять минут знаменитый голкипер пропустил второй гол.

Володька молчал, подавленный несчастьем. А побеждённая команда уже уходила с поля. Позади всех, низко опустив голову, прихрамывая, плёлся Петров-второй.

...Когда Володька вернулся домой, мальчики на дворе обсуждали финал игры и дружно ругали Петрова-второго.

— Давайте встретим его кошачьим концертом! — предложил Юрка Польшкин.

Предложение понравилось и было встречено одобрительным мяуканьем.

Володька побледнел и сказал, сжав кулаки:

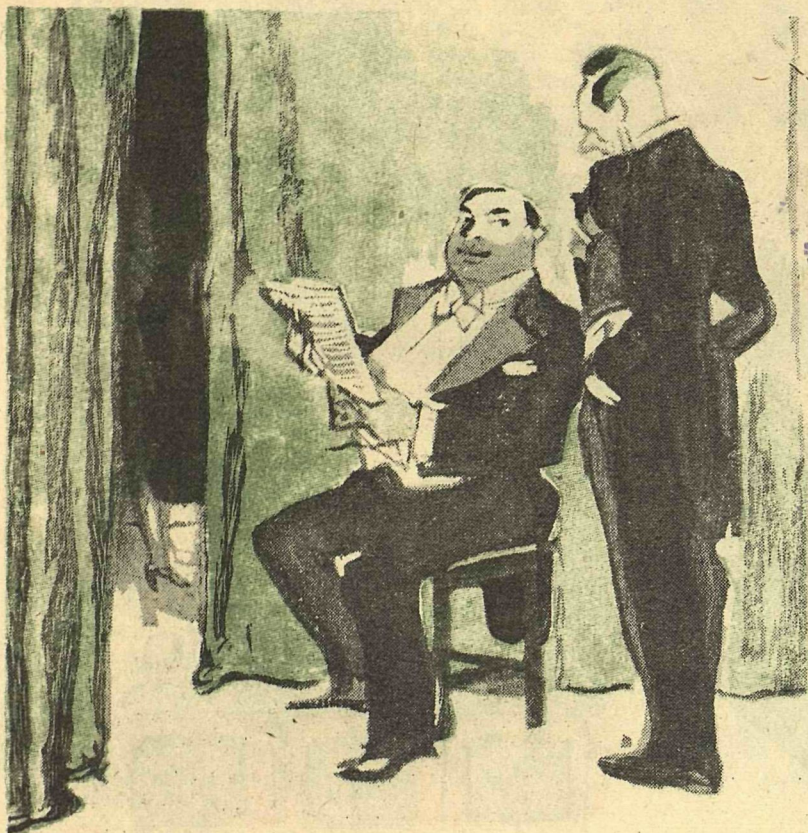
— Первого, кто мяукнет, когда он придёт, я исколочу в кровь!.. И в эту минуту на дворе появился Петров-второй. Он шёл медленной, усталой походкой, лицо у него было расстроенное. Мальчики зловеще молчали. Володька отделился от них, подошёл к знаменитому голкиперу и звонко сказал:

— Всё равно вы лучше Ипатова! И всё равно вы их побьёте в следующий раз! И, пожалуйста, не расстраивайтесь!

Знаменитый голкипер внимательно посмотрел на Володьку, на его горящие глаза и пунцовые от волнения щёки, улыбнулся непривычно мягкой улыбкой и сказал:

— Ну, спасибо, друг! Он протянул мальчику руку, и Володька пожал её крепко, по-мужски, как равный равному.

Леонид ЛЕНЧ

— Вот пишут в газетах, что в районе Херсонеса производятся раскопки.

— Да что вы! Надо обязательно поехать. Может быть, что-нибудь новенькое найду.

КОЛЕСА, БЕГИТЕ,

ИЛИ

ПЕСЕНКА УНЫЛЫХ ДРУЗЕЙ

Озарило осеннее солнце
По-весеннему ярко простор.
К машинисту влетает в оконце
Двух тальянок лихой перебор.

Ой, вы нивы, бескрайние наши!
Ваш простор машинисту знаком.
Видит он, как приветливо машет
Трактористка зелёным платком.

Паровоз мой поёт голосисто,
Окликая родные края.
Выходи же встречать
Дорогая подружка моя!

Каждый день проезжаю я мимо
И гудком салютую весне.
Ты давно уже мною любима
И давно улыбаешься мне.

Нам, весёлым, скучать
не пристало,
Делу время, а песенке час.
На гулянках мы все запеваляй,
А в работе — равняйся на нас.

Завтра снова в поездку, ребята,
А пока приглашайте девчат.
Ты не хмурься, держурный
усатый:

Нас по графику будешь
встречать.

Не возьмёт машиниста
усталость
Под весёлым колёс перестук.
Только б ты мне в пути
улыбалась,
Каждый день улыбалась, мой
друг!

Поезд дрогнет, качнутся вагоны,
Замелькают мосты и перроны,
Вкруговую земля поплывёт,
А дорога всё дальше зовёт.

Припев:
(После каждого куплета.)
Колёса, бегите, колёса, спешите,
Колёса, бегите, колёса, спешите,
Дорогой стальной, родною
страною
Несите, несите вперёд!
Птицей, песня, пролетай,
пролетай,
Быстрый поезд провозжай,
провозжай!
Мы споём о тебе, мы споём
о себе,
Мы споём о весёлых друзьях!

Ив. МОЛЧАНОВ

ПРИМЕЧАНИЕ «КРОКОДИЛА». Вышеизложенную песню мы рекомендуем в качестве образцового руководства к быстрому составлению текстов песен. Строфы этой песни взяты нами без всякого, разумеется, изменения — упаси нас боже от этого! — из совершенно разных песен, написанных разными поэтами. Если не верите, — взгляните в сборник «Песни советских железнодорожников». Мы не гордые! Опыт наш с удовольствием передаём молодому поколению составителей... не поездов, а песен.

Слоны и пиджаки

В ОСНОВУ этого рассказа положено истинное происшествие, которое случилось недавно в одном зоопарке на периферии.

А случилось вот что... Рабочий зоопарка чистил слоновью клетку, чистил старательно: выскребывал пол, мыл стены, подметал. Кочере говоря, рабочему стало жарко.

Он скинул пиджак, положил его в уголок и продолжал с прежним рвением выполнять свои обязанности. А в это время слон занялся пиджаком рабочего.

Чтобы не томить вас, читатель, скажу коротко: слон этот пиджак съел. Оказывается, для слона съесть двубортный пиджак пятнадцатого размера — совсем простое дело. Лежи там брюки, он бы и брюки съедал. Слон, например, даже не заметил, что в карманах пиджака находились кое-какие вещи, в том числе продуктовые карточки. Да, товарищи, слон съел неотоженные продовольственные карточки рабочего.

Рабочий донёс о случившемся и немедленно подал заявление в карточное бюро.

Заведующий карточками невероятно растерялся.

— Боже мой, что случилось! — промолвил он. — Это же совершенно неслыханный случай во всей карточной системе! Нет, я не могу, я должен посоветоваться!..

Созвали небольшое совещание. Заведующий карточками доложил обстановку и заявил, что он категорически не знает, как быть и что делать.

Слово взял директор зоопарка: — Вот что, дорогие товарищи, тут не приходится думать в узком разрезе. Я смотрю на эту историю как хозяйственник, для которого карточки — ерунда, если речь идёт о ведущем объекте нашего предприятия — слоне. Я гляжу в корень, и у меня невольно возник

кает подозрение, что кто-то ворует рационы слона, иначе с какой ему стати кидаться на пиджаки. Это, во-первых...

Тут возьми и вставь своё непродуманное слово пострадавший.

— Это клевета, товарищ директор, — сказал он обиженным тоном. — То, что слон ест, человеку никак не подходит. И потом, мы тоже сознательные и понимаем, какой он объект, этот слон. И на мой пиджак его, может быть, потянуло, как на жиры. Должен признаться, пиджак мой был порядочно засаленный по разным производственным причинам.

— Ну вот видите, что перед нами открывается, — повысив металлический звон в голосе, сказал директор. — Может быть, в вашем пиджаке были ещё какие-нибудь отравляющие вещества?

Рабочий встал, долго думал и ответил:

— Нет, ничего отравляющего не было. Главное, конечно, дело — это продовольственные карточки, ну и был ещё кусок мыла и таблетка синьки... Я как раз в то утро купил это для жены. А больше ничего не было...

— Ужас! — воскликнул директор и схватился за волосы. — Вы понимаете, какая катастрофа нависла над всеми нами?! Слон может околеть!

— И тогда, — бодро, но нехотя, врезался гнувший свою ведомственную линию заведующий карточками, — и тогда мы его вскрыем, вынем карточки — и делу конец!.. И не надо будет...

Директор удостоил его таким взглядом, что заведующий умолк на полуслове и сел.

— Ну, а вы что думаете обо всём этом? — обратился директор к ветеринару.

Тот кокетливо склонил голову к плечу, зажурил зачем-то левый глаз и сказал:

— Ни наука, ни практика не дают ответа на данный вопрос. Надо ждать. Если слон околеет, — значит, ему вредно есть просаленные пиджаки; если нет, — всё в порядке. Я сейчас слона осматривал. Пока он чувствует себя нормально, если не считать несколько повышенной раздражительности.

— Ещё бы! — вставил пострадавший. — Как ему не нервничать, когда он съел пиджак с карточками!..

— Замолчите вы о своих карточках! — вскрикнул директор и, помолчав, добавил: — Хорошо, раз наука бессильна, будем ждать. Вас я от слона отстраняю, — сказал он рабочему, — перевозжу вас к удаву.

Прошла неделя. Слон чувствовал себя прекрасно. И тогда к директору прибежал вышеупомянутый ветеринар.

— Ура! — крикнул он ещё с порога. — Наука победила! Слоны могут есть пиджаки совершенно свободно. Могут и мыло, и синьку, и даже бумагу в виде карточек! До нас этого никто не знал. Я напишу об этом научный труд!

Находившийся в этот момент в кабинете заведующий карточками мрачно сказал:

— Для вас карточки — это бумага, а для меня это — подсудное дело. И я спрашиваю вас: как мне быть?

— Ничего, ничего, — добродушно сказал директор, — в вашем районном бюро сидят понимающие люди. Напишите им, что карточки погибли во время научного опыта.

Так окончилось это трагикомическое дело. Но несмотря на такой явно благополучный конец, всё-таки давайте договоримся, товарищи, что впредь около слона не будем оставлять пиджаков.

Вас. АРДАМАТСКИЙ

— Нет, нет, я не могу, это не укладывается у меня в голове! У моего Серёжи... и вдруг — другая!

Марья Петровна подобрала на диван свои маленькие ноги, поправила на затылке каштановые косы и поглядела на меня кроткими голубыми глазами.

— Будь бы она умнее меня, образованней, хорошая хозяйка — я бы слова не сказала! А то ведь просто сдобная булка, безо всякого внутреннего содержания! Да подождите, вы же её знаете! Это же Люська!

Так вот оно что — Люська! Никто не зовёт её ни по фамилии, ни по имени-отчеству. Люська и Люська.

Я обещаю Марье Петровне поговорить с Люськой: может быть, дело ещё поправимое. И на другой день я разговариваю с Люськой.

— Люся, — говорю я таким глубоким голосом, на какой я только способна, — скажите мне правду: между вами серьёзные чувства? Люська честно думает несколько секунд и отвечает:

— Это понятие растяжимое — серьёзные чувства. Помните, я полтора года была замужем за Гинчиком и все полтора года ходила в одном и том же вишнёвом платьишке. Я не называю это серьёзным чувством с его стороны.

— Милая Люся, но подумали ли вы, что это страшно — врываться в чужую жизнь?

Люська улыбается.

— Люся, его жена — милый, культурный человек.

Люська попрежнему задумчива:

— Я сама культурная.

— А вы не подумали, что у него мать-старушка? Она не вынесет.

Люська что-то прикидывает в уме:

— Вынесёт. Надо закаляться.

— Но подумали ли вы о себе, моя милая? Если он такая помесь донжуана с павианом, так ведь он в один прекрасный день изменит и вам?

— Н-да, — спокойно говорит Люська. — Ну что ж, а я — ему.

— Побойтесь бога, Люся: разве это счастливая семейная жизнь?

— А что? Некоторые так живут и ничего, не худеют. Это не отражается на их обмене веществ.

— Последний вопрос, Люся. Мне всё-таки кажется, что вы не слишком влюблены в него. Почему же тогда именно он, а не какой-нибудь другой?

— Ну конечно, а потом вы скажете, почему другой, а не третий? Судя по их дому, по его костюму, по её платьям, он умеет доставать. А у меня сумеет втрое. В конце концов на меня угодить не так уж трудно, ведь я же не требую ничего невероятного, никакой достоянской... или тургеневской, что ли, любви. Какие там были особенные классические примеры?

Весь разговор с Люськой я передала Марье Петровне. Она вдруг решительно встала и, вся бледная, подошла к моему письменному столу:

— Я напишу ей письмо! Нет, нет, не бойтесь, унижаться я не буду. И ругать её последними словами тоже не буду. Я даже не знаю, как они пишутся, эти ужасные последние слова. Я просто гордо скажу ей... чтобы она любила его так же, как я...

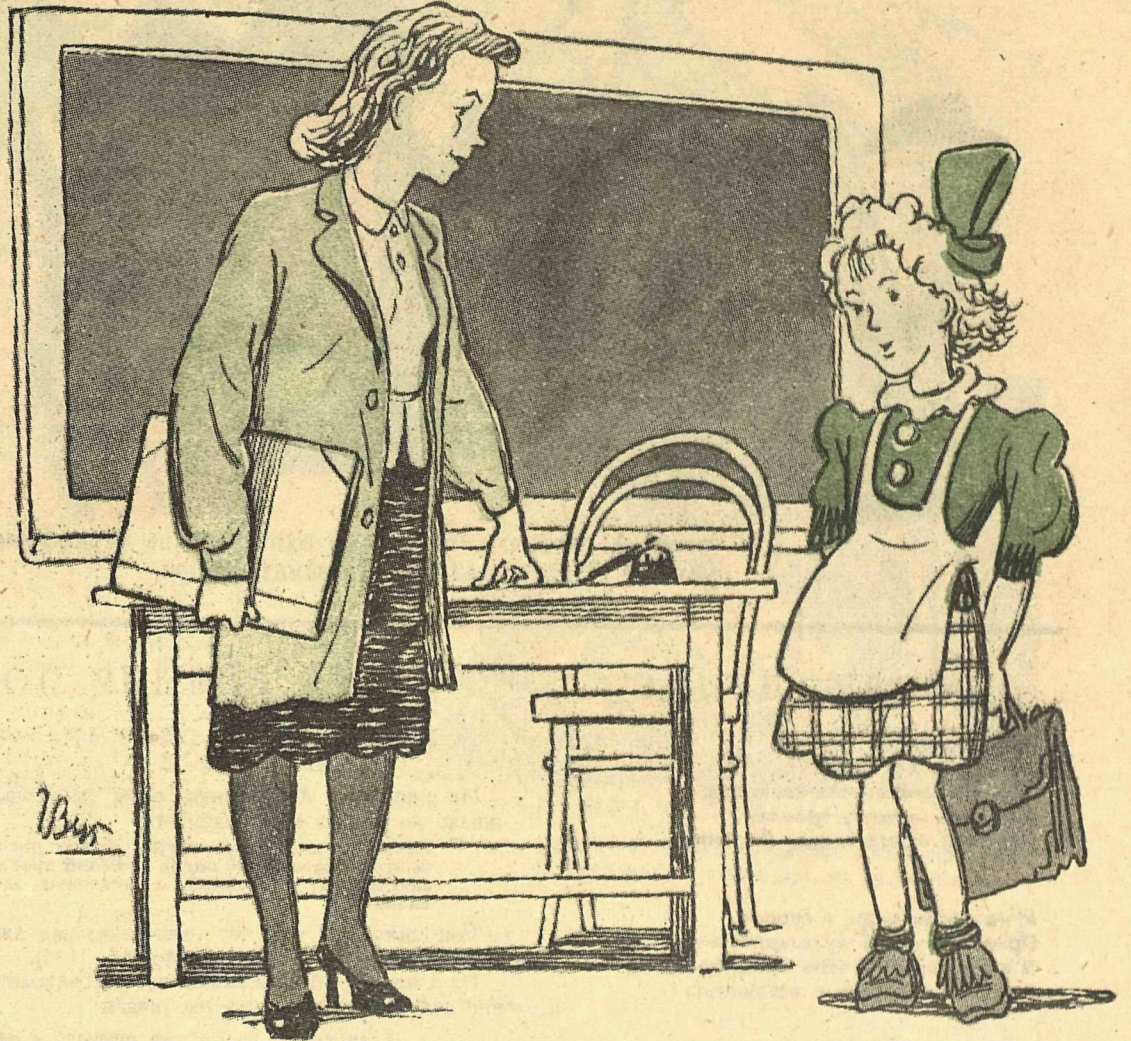
Она исписала четыре страницы.

Она положила письмо в конверт и виновато улыбнулась:

— Я не буду вам читать, ничего.

И всё же я узнала, что было в этом письме. Узнала от самой Люськи, которая влетела ко мне разъярённая, плающая, потрясая злополучным письмом.

«Неужели же эта бедняжка Марья Петровна всё-таки не выдержала и написала ей всякие последние слова?!» — подумала я. Но я ошибалась.

— Почему ты, Галя, так долго не ходила в школу? Болела?
— Нет, болел шофёр моего отца.

— Все эти женихи — негодяи, а я дура! — объявила Люська. — Уж мне бы, кажется, пора бы знать, что надо начинать не с пристальных взглядов и томных слов, а с делового, глубокого прощупывания со всех сторон, и прежде всего с материальной! Читайте!

«Я обращаюсь к вам как самоотверженно любившая женщина к другой женщине, самоотверженно полюбившей, — читала я неразборчивые строчки. — Вы отнимаете у меня моё сокровище, так берегите же его. Мой долг — сказать вам, что у Серёжи блуждающая почка, застарелый катар и — не пугайтесь (я сама боюсь об этом думать), — кажется, предрасположение к грудной жабе... Уход за ним сложен, и я хочу поделиться с вами моим опытом...»

— Слыхали?! — захлебнулась Люська. — Эти скверные мужики могут сознаться в семи смертных грехах, но чтоб они честно предупредили вас о своей бродячей печонке, о том, что они шизофреники, катарники, жабники, — чорта с два! Разве потом дадут развод на почве почек или какого-нибудь пузыря? Но всё это ещё куда ни шло. Мы бы не вылезали из Кисловодсков и Мацест, и это было бы даже весело. Но вы дальше читайте!

А дальше было вот что:

«Последние годы я не позволяла ему много работать, чтоб он особенно не переутомлялся. У него спокойная работа, и оклад его не слыш-

ком велик, так что я оставляю его ему на личные расходы. Я зарабатываю много, я энергична. Любовь — это рычаг, удесятеряющий наши силы. Люся! Вы любите и вы поймёте меня. Вы будете беречь дорогого вам человека, который...»

— И так далее и тому подобное! — закричала Люська и вырвала письмо из моих рук. — Передайте этой Марье Петровне от моего имени опромное спасибо! Если б не это письмо, влипла бы я в хорошенькую историю! Катар, жаба! И потом извольте работать на эту жабу! Нет, хорошо ещё, что у меня есть выбор. Не этот, ваш Сергей Иванович, так Борис Фёдорович. Знаете, такой чёрненький, в зелёной фетровой шляпе? В конце концов, это неважно. Но как теперь быть, я вас спрашиваю? Что же, значит, прямо первого встречного спрашивать с места в карьер: сколько вы получаете? И не предстоит ли мне приятная перспектива ворочать для семейного счастья этот самый... рычаг! Интересно знать всё-таки, как они устраивались, эти самые тургеневские или некрасовские, что ли, женщины?

— Некоторые, я думаю, вроде Марьи Петровны, просто любили.

— Н-да? — в голосе Люськи прозвучало глубокое разочарование и густое пренебрежение.

В. КАРБОВСКАЯ

— А говорят, что трудно охотиться за чернобурыми лисами. Какие пустяки! Надо только уметь поймать бобра.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как смешно:
Давно ли, завывая,
Смерть меня искала невпопад.
А теперь читаю у трамвая
Надпись: «Осторожно. Листопад».

И не шутки ради, а скорее,
Привыкая вновь культурно жить,
Я в зеркальном зале брадобрею
Говорю: «Побрить и освежить!»

Наготове адресная книга.
И, сердечным другом становясь,
Мне тебя отыскивает мигом
Десятикопеечная связь.

Прихожу. Пускаю тучи дыма.
Что со мной — не понимаю сам.
Ты мне стала так необходима,
Как попутный ветер парусам!

И хотя не пышно ты одета
И не нов костюм парадный мой
Не сердись, что, обойдя полсвета,
Я ни с чем пожаловал домой.

Что для нас гостинцы и подарки —
Разные шелка да зеркала,
Если на ладони пехотинца
Вся судьба Отечества была!

Вот он я, в пилотке и шинели!
В нашу пользу кончены бои!
И Москва-красавица не мне ли
Выражает радости свои?!

Если смерть ушла, как таковая,
Если я вернулся невредим,
Значит, будем жить, не уставая,
И себя в обиду не дадим!

Сергей СМЕРНОВ

С МИРУ ПО СТРОЧКЕ

СЕЛЬХОЗГИЗОВСКИЙ
ПРИПЛОД

Из книги Б. А. Келлера «Как произошла жизнь на земле» мы узнаём, что «всего на земле в настоящее время насчитывается различных видов растений приблизительно пятьсот тысяч, а животных один миллион».

Напомним тут же, что вышеназванная книга выпущена Сельхозгизом (Москва, 1945).

Из книги Б. М. Завадовского «Происхождение домашних животных» мы узнаём:

«Современная наука уже открыла и описала около 1 500 000 разнообразных видов животных».

Напомним тут же, что вышеназванная книга тоже выпущена Сельхозгизом (Москва, 1945).

Итак, примерно за полгодие Сельхозгизу удалось увеличить животный мир на полмиллиона видов. Но до конца четвертого квартала ещё осталось около двух месяцев. Поэтому хотелось бы получить точную справку о том:

1. Сколько сотен тысяч новых видов животных собирается подарить нам Сельхозгиз к Новому году?

2. Будут ли в ноябре — декабре темпы роста столь же ошеломляющими, как и в предыдущие кварталы?

3. Остановится ли этот рост в январе 1946 года или можно ожидать дальнейшего приплода?

СОЛЕНАЯ ЖУТЬ

Мы категорически несогласны с поэтом Петром Чихачёвым, скромно заявившим в своём произведении «Поэма о рыбаках», что его рассказ будет «без всяких фантазий, без всяких прикрас».

Внимательно прочитав эту поэму, мы обнаружили столько фантазий и прикрас, что не в состоянии больше молчать.

Разве не говорят о неумной фантазии нижеследующие строки:

«И звёзды, как взгляд настороженной рыбы,
За ними подглядывают со дна».

Или вот эти строки, пришедшие на смену звёздам с рыбьим взглядом:

«Скрипит по суставам свирепая шляпка»,
«Баркас переполнен упорством и рыбой».

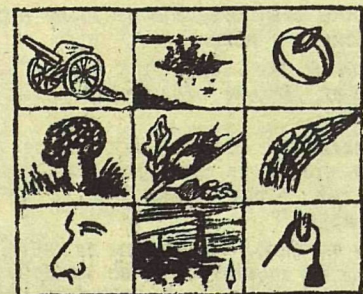
А бедных рыбаков —

«...душит за сердце усталость и голод». Положение ужасное! Но поэт не теряется, он находит нужные слова. Вот они:

«Глаза ослепляет солёная жуть». Солёная жуть ослепляет не только бедных рыбаков, но и нас и всех читателей краснодарской газеты «Советская Кубань», где была напечатана «Поэма о рыбаках».

ХОРОШИЕ ШУТКИ!

В один прекрасный день киевским ребятам повеселилось увидеть в своей газете «Юный ленинец» вот эти картинки:

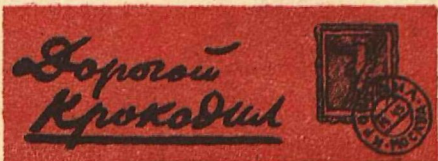
Читатель может спросить: что же тут особенного? Картинки, как картинки. В том-то и дело, что это не просто картинки. Это «Литературная задача-шутка». По предложению остроумных дядей из редакции, нужно решить:

«Фамилии каких писателей и поэтов напоминают вам эти рисунки?»

Причём предполагается, что рисунок, изображающий не то лодку, не то паром, должен вызвать образ писателя Островского. Изображение насекомого, равно похожего на букашку, усатого таракана, а также «божью коровку», воскресит в памяти поэта Жуковского. А изображение небывалого в природе предмета должно соответствовать дедушке Крылову. Что касается носа, то последний имеет прямое отношение к Ломоносову.

Нас удивляет, как газета в припадке безудержного веселья не включила ещё птицу как представителя Гоголя или толстого льва, который может вполне свободно ассоциироваться со Львом Толстым.

Впрочем, мы забегаем вперёд. Вполне возможно, что в ближайших номерах «Юного ленинца» мы это и увидим.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

В июне 1943 года Бауманский райсовет г. Москвы передал своему райпромтресту спортивный зал, принадлежащий институту химического машиностроения. Время было тогда военное, никто против этой передачи не возражал. Но война окончилась, и институт, естественно, потребовал возвращения зала.

Нас поддержали и МГК ВКП(б) и Моссовет. Однако председатель Бауманского райсовета тов. Лебедев неумолим. Вследствие этого прискорбного обстоятельства спортивная деятельность студентов резко сузилась. Они вынуждены заниматься лишь метанием официальных бумажек по адресу тов. Лебедева и бегом на дистанции 1000 метров — от института до здания райсовета и обратно.

Очевидно, из-за недостаточной тренировки мы постепенно начинаем уставать от этих физкультурных упражнений. Вот почему через твоё посредство просим тов. Лебедева разъяснить, сколько времени нам ещё придётся упражняться в беге.

Студенты-физкультурники
ХАРЬКОВ, СИБИРЦЕВ, СЕМЕНОВ, ВОРОНОВА и др.
(всего 73 подписи)

Москва.

Уважаемый Крокодил!

У молодости, конечно, все преимущества. Возьмём хотя бы юношу 16—17 лет. Он бодр, пышет здоровьем, энергичен, на него даже будет впору любой костюм, изготовленный Московским отделением Ростекстильшвейторга. А вот что делать нам, далеко не юношам, получившим ордера на костюмы. Благодаря тому, что упомянутая швейная организация изготавливает лишь костюмы маленьких размеров, ни один костюм на нас не годен. Что же теперь делать? Где найти Мефистофеля, который омолодил бы нас и подогнал фигуры под костюмы Ростекстильшвейторга? Ну, а если в наши дни Мефистофеля отыскать нельзя, то, может быть, найдётся другой чародей, который всё-таки заставит Ростекстильшвейторг шить костюмы всяких размеров.

Б. ГРАНДЕ

Москва.

Дорогой Крокодил!

Нет, все-таки жёсткое сердце у тов. Колотухина, начальника отдела кадров Читинского электрокомбината. Недостаточно деликатен он с людьми. Вот, например, какие письма сочиняются им для прогульчиков:

«Администрация Читинского электрокомбината убедительно просит Вас прибыть в помещение Читинского электрокомбината по интересующему Вас вопросу».

Вот видишь, какое сухое, бездушное послание. Ни капли теплоты. А ведь мог бы написать бедным прогульщикам что-нибудь поласковее, понежнее, не правда ли? Хотя прогульщики, говорят, не в обиде и за такое обращение.

А. КОРЕЦКИЙ

Чита.

Дорогой Крокодил!

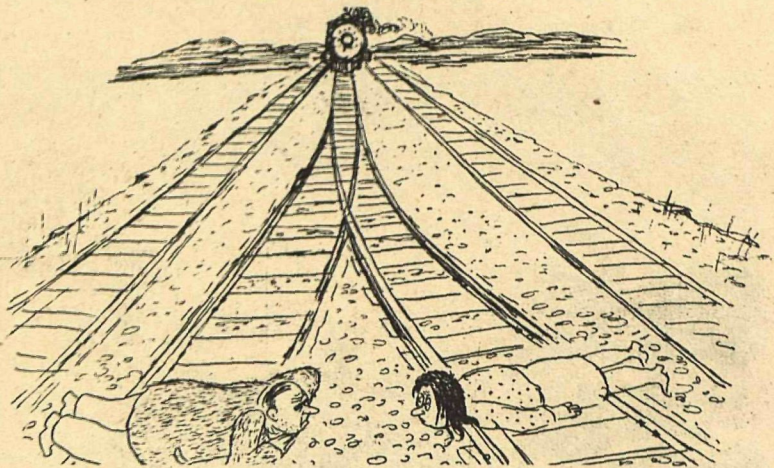
Помнишь сказку про репку, которую посадил некий дед, а потом никак не мог вытащить без помощи бабки, внучки и собачки Жучки.

Это — сказка. А вот быль. Посеяли агрономы Кулаков и Ханцис в Раскатовском зерносовхозе, Саратовского Левобережного треста, этой весной табак. А выросла у них вместо табака огромная-преогромная репка. Не стали агрономы звать на помощь бабушку, внучку и Жучку. Засмеяли бы бабушка, внучка и Жучка незадачливых агрономов, которые вопреки общеизвестной поговорке жнут не то, что сеют.

В. ТАРНОВСКИЙ,
заместитель главного бухгалтера Зерносовхоза

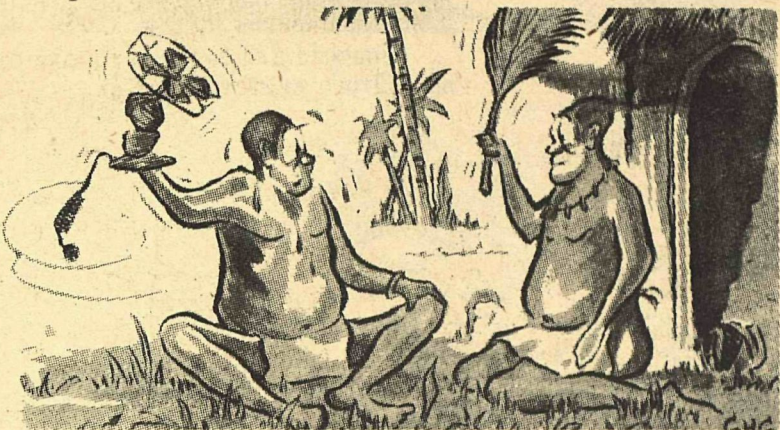
село Раскатово,
Саратовской обл.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

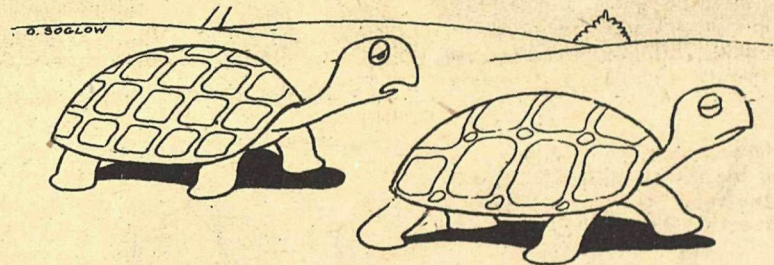
КУДА ПОЙДЕТ ПОЕЗД?

Пари самоубийц.

НЕСОВЕРШЕННАЯ ТЕХНИКА

— Не понимаю, почему европейцы пользуются этим прибором. Во-первых, он не даёт прохлады, а во-вторых, им тяжело обмахиваться.

ЧЕРЕПАШЬИ ТЕМПЫ

ОН — ЕЙ: — Ты испортила двести лучших лет моей жизни!..

ЯИЧНЫЙ КОРОЛЬ

В один из американских цирков явился молодой человек с предложением своих услуг.

— Что же вы умеете делать!

— Я съедаю за один присест три десятка куриных яиц, два утиных и несколько гусиных... Моё прозвище — «Яичный король».

— Интересный номер!.. Но мы должны вас предупредить, что по воскресеньям мы даём четыре представления в день.

— Согласен.

— А в большие праздники у нас непрерывные сеансы, чуть ли не каждый час.

— Это также не беда. Но... когда же, однако, я буду ходить обедать!!

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Богатый фермер Бюик всё своё имущество, движимое и недвижимое, завещал жене, но с тем условием, чтобы она не позже чем через год после его смерти снова вышла замуж.

Нотариус, составлявший завещание, поинтересовался узнать, чем вызвано такое необычное условие.

— Я хочу, чтобы хоть один человек пожалел, что я умер, — объяснил мистер Бюик.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва.

Изд. № 782.

Подп. к печати 5/XI 1945 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 23049.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2293. Тираж 123.000.

В. Д. ОЮЗНАЯ
НИЖНЯЯ ПАЛАТА
ОБЯЗ. ЭКЗ.
1945 г.

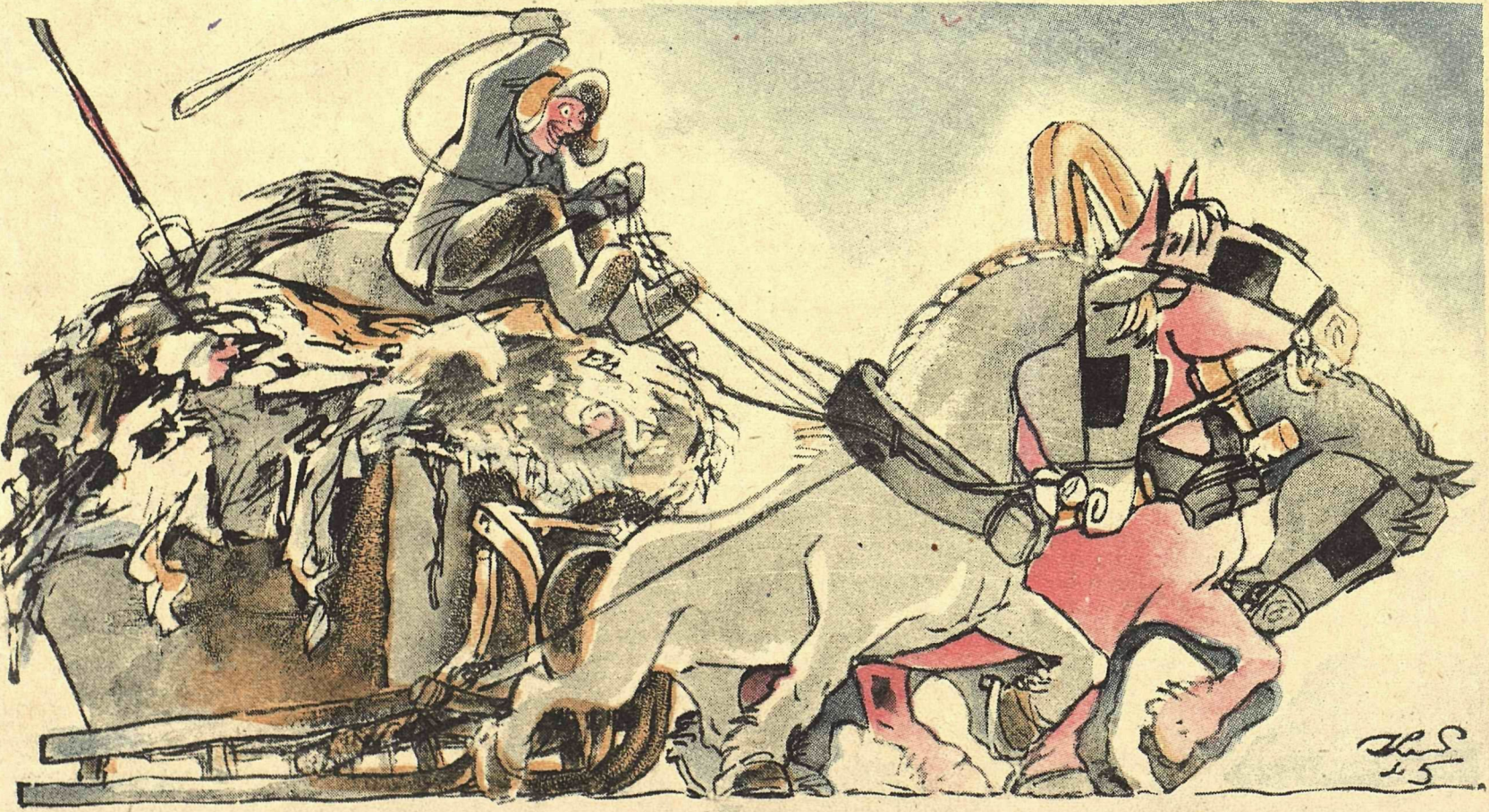
Рис. К. Елисеева

Сначала для очистки города от мусора выделили тройку из трёх человек. Этого оказалось мало...

Тогда выделили тройку из пяти человек. И этого оказалось недостаточно...

И когда, наконец, выделили тройку из трёх лошадей, — дело пошло на лад.

118/105

К. Е.
15